

01922
1354

АЛЕКСАНДР ВОЗНЯК

БЕРЩЕ
ДРУГА

ПУШКИНСКАЯ ОСЕНЬ

I

Без тропинок и дорог
Бродит вольный ветерок.
От Сакмары до Урала
Путь невидимый пролег.
Степь,
 ей нет конца и края,
Степь,
 как небо, широка.
В солнечных лучах играя,
Проплывают облака.
За туманной поволокой,
Словно в море островок,
Затерялся невысокий
Фиолетовый лесок.
А трава — ковром под ноги —
Красный клевер, горчицвет,
И татарник у дороги
Загляделся на рассвет.
Верст дорожных не считая,
Едешь день и едешь ночь,
Словно календарь листая,
Сутки прочь,
 сутки прочь!
И лениво коршун машет
Крыльями — куда спешить!
Степь простором опояшет
Сотни верст — и ни души..
Словно беркуты, станицы,
Воздух, как песок, горяч.
Чахнет редкая пшеница,
Дремлет черный карагач.

Если б здесь
на видном месте,
На развилке трех дорог,
За березонькой-невестой
Важно шествовал дубок.
И в траве густой, не мятой,
Там, где волчья колея,
Словно пики на закате,
Подымались тополя...

Зной!

Под небом раскаленным
Марево.

Дымит ковыль.

Хорошо б в тени под кленом
Переждать степную пыль.
За лесною полосой
Рожь от засухи укрыть,
Чтоб растенье молодое
Не томилось в желтом зное,
Не просилось тихо: — Пить!

II

Верст дорожных не считая,
Едешь день и едешь ночь,
Словно календарь листая,
Сутки прочь,
сутки прочь!

А глаза закроешь — мнится:
Ветру друг и воле брат,
Пугачев с войсками мчится.
Заревом горит закат.
И орудья на опушке
Бьют картечью
Час, другой..

Едет,

едет,

едет Пушкин

Оренбургской стороной.

Вот виднеется застава.

И под кручею — Яик.

Шаткий мостик — переправа

Да шлагбаум, будто штык.

Слез с коляски поразмяться,

Шутит:

— Пылью весь пропах...

— Оренбург далеко?

— Двадцать!

— Двадцать верст?

Велик ли как?

Насторожились казаки.

Барин, видимо, а прост.

На шинели нету знаков

И совсем невидный рост.

Шляпу снял...

Курчав к тому же.

Смугл с лица, но не цыган...

По какому делу служит?

Может, сосланный смутьян?

Разберись-ка в подорожной,

Кто он, этот человек.

Нынче надо осторожней...

Будешь каяться весь век.

— Сами то откуда, барин?

— Мой-то как куда велик!

Золотые Пушкин дарит:

— Поминай меня, старик!

И по-дружески:

— А к слову,

Не слышали ль, казаки...

— Да о ком?
— О Пугачеве?
— Мы степные мужики...
— Государева охрана...
— Как, никак, а край Руси...
— Барин, ты про Емельяна
Лучше в Бердах расспроси.
— Тут он вроде был и не был...

И насупились, молчат...
За хребтом уральским небо,
Как костер, поджег закат.
Стебелек в руке сминая,
Пушкин молвит, не спеша:
— Сторона у вас степная,
Да не та, видать, душа...
Жить бы здесь не по указу...
— Вот те на!

— Никак, подвох?
Все ответили бы разом,
Да в уме переполох.
Меж собой в иную пору
Поведе́т рассказ старик...
— Даровал леса и горы,
Живность и реку Яик
Пугачев...

Да манифеста
Не найти...

Про́пал в бою...
Сам же он на лобном месте
Голову сложил свою...
По глазам поэт читает:
Пугачев для них не царь.
На замке о том, что знают,
Берегут в своих сердцах.

В лад стихам стучат колеса,
 Вторит сердце невзначай.
 Подожди поэта, осень,
 В Болдино меня встречай.
 Эй, ямщик!

Уж время к ночи.

В Оренбурге отдохнем.

Жизнь,

Как этот путь, короче
 С каждым часом,

с каждым днем!

Мчится он, простой и гордый,

Едет день и едет ночь,

В Оренбург,

оттуда в Берды...

Сутки прочь,

сутки прочь!

Вслед за ним,

как соглядатай,

Перевязано тесьмой

За жандармскою печатью

Пулей гнусное письмо.

Поднадзорный...

Жизнь тревожна,

Но нигде спасенья нет...

Предъявитель подорожной
 Пушкин?

Тот ли?

Не поэт?

Не его читал он сказки?

Вот он рядом, перед ним.

Нет, поэту не коляску,

